УДК 338.2: 331.2

Олег Ярёменко

ЦЕННОСТНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И СТРУКТУРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДИНАМИКИ РАВЕНСТВА И НЕРАВЕНСТВА[1]

Современные ценностно-институциональные и технологические сдвиги рассматриваются как такие, что углубляют разрывы в социально-экономических системах и порождают новые измерения неравенства, которые не всегда могут быть зафиксированы и идентифицированы. Доказывается, что неравенство превращается из внешнего фона происходящих изменений на один из главных источников неопределённости дальнейшего развития глобальной экономики. Обоснован вывод, что усиливается нагрузка на институциональные механизмы контроля и оптимизации неравенства, сформировавшиеся в обществе, в частности, на систему доступного и качественного образования и социальных услуг государства.

Ключевые слова: экономическое неравенство, институты, ценности, статус, идентичность, социальные лифты, технологическое развитие, эффективность.

JEL: J38, J45, J50.

В экономической науке и практике существуют два разных, но не альтернативных, подхода к решению проблемы несправедливого неравенства в обществе. Первый подход присущ странам, создающим условия для достаточной производительности общественного производства, что даёт возможность привлечения в современную экономику широких слоёв населения и создания на этой основе перераспределительных механизмов смягчения неравенства. В таких системах могут наблюдаться одновременно процессы роста эффективности и уменьшения неравенства. Как отмечают исследователи и специалисты международных организаций, включение в глобальные цепочки создания стоимости, даже на самых невыгодных звеньях, способствует построению более справедливого общества.

Второй подход, свойственный странам с высоким уровнем экономического развития, исходит из признания недостаточности высокой экономической эффективности для решения проблем роста неравенства

Ярёменко Олег Леонидович (yaremenkooleg2@gmail.com), д-р экон. наук, проф.; ведущий научный сотрудник отдела экономической теории ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины".

[1] Статья подготовлена в рамках научного проекта "Соотношение экономического равенства и неравенства в обеспечении социальной справедливости" по результатам конкурса научных проектов в рамках целевой комплексной программы научных исследований НАН Украины "Экономическая эффективность vs социальная справедливость: приоритеты развития Украины на этапе преодоления кризиса".

© О.Ярёменко, 2017

в обществе и настаивает на необходимости целенаправленной политики ограничения опасных разрывов в доходах и уровне жизни. В таких странах происходят процессы дальнейшего социально-экономического расслоения на фоне быстрого развития новейших технологий. Многие известные учёные, как Дж. Остри, А. Берг, Т. Пикетти, Дж. Стиглиц (*Ostry, Berg, Tsangarides*, 2014; *Пикетт*, 2015; *Стиглиц*, 2016) и их последователи обращают внимание на фундаментальные социальные риски экономического роста в странах с развитыми рыночными институтами и эффективными инновационными отраслями. Такие риски, по их мнению, невозможно полностью ликвидировать, но можно ограничить путём институциональных реформ, взяв условно за образец институциональное обеспечение ограничения неравенства в скандинавских странах.

Первый подход можно признать как социально-оптимистический: ускорение развития для стран с развивающимися рынками означает постепенное снижение неравенства, а второй подход можно определить как более пессимистичный: если не изменить современную модель экономического роста, то общество дойдёт до неприемлемых уровней социальных разрывов. Слабым местом обоих подходов является сведение экономического неравенства к различиям в доходах и имуществе и допущение гарантированности (в определённом смысле) существенных условий: в первом случае – соблюдение траектории снижения неравенства при более или менее быстром экономическом росте, во втором случае – удержание траектории инновационного развития и роста эффективности при институциональных реформах социальной направленности.

На наш взгляд, эти допущения нуждаются в дополнительном анализе для фиксации объективных границ эффективности современных подходов к решению проблем неравенства с точки зрения их исторической определённости в контексте социальной справедливости и эффективности.

Целью данной статьи является теоретическая оценка социально-экономической природы и факторов неравенства с точки зрения его миссии в структурировании, функционировании и развитии социально-экономических систем.

Неравенство – это самая простая (абстрактная) форма усложнения и структурирования социально-экономических систем. В стабильном состоянии социально-экономической системы общественные представления о допустимой или желаемой степени неравенства являются устойчивыми и вытекают из ценностно-институциональных оснований экономики. Благодаря этому взаимно обусловленное воспроизводство системы статусов и структуры общественного производства сопровождается таким неравенством, которое воспринимается как допустимое или естественное. Для каждого общества мера "легитимного неравенства", которое не вызывает системного неприятия, обусловливается конкретно-историческими условиями его формирования, включая институциональную среду (*Alesina, Cozzi, Mantovan*, 2012).

Такое неравенство не побуждает субъектов и общество целенаправленно тратить ресурсы на преодоление разрывов (*Ostry, Berg, Tsangarides*, 2014. P. 4). Более низкий уровень социальных разрывов обусловливает более быстрый и длительный рост (*Ostry, Berg,*

Tsangarides, 2014. P. 6). Но такой приемлемый уровень разрывов не возникает и существует сам по себе, а обеспечивается соответствующими институциональными механизмами, как формальными, так и неформальными. Как результат, разброс индивидуальных траекторий субъектов не мешает системе выдерживать единую траекторию движения (эволюцию) в среде. Поэтому должным образом институционально структурированная хозяйственная система имеет относительно низкий уровень социальной энтропии.

Дж. Стиглиц отметил, что само по себе равенство не является абсолютной ценностью: "Достижение абсолютного равенства не является целью. Некоторые формы экономического неравенства благоприятствуют экономическому росту. А какие-то проявления неравенства вовсе не стоит трогать, поскольку это может быть расценено как ограничение свобод, которыми все так дорожат" (*Стиглиц*, 2016 С. 323). Грань, за которой неравенство становится разрушительным, носит конкретно-исторический характер и отражает не только достигнутый уровень производства, но и взаимную адекватность ценностей и институтов, которые побуждают людей взаимодействовать и конкурировать в обществе и экономике.

Положительный потенциал неравенства зависит от действенности так называемых социальных лифтов (образование, государственная служба на основе принципов рациональной бюрократии, доступ к малому и среднему бизнесу, к науке и инновационной деятельности), которые прямо или косвенно снижают относительную ценность начальных условий и повышают ценность дифференцированных актуальных результатов деятельности субъекта. Социально-экономические статусы субъектов, сформировавшиеся исторически, взаимно комплементарны, что является условием использования статусно детерминированного неравенства в адаптации, функционировании и развитии хозяйственных систем как органически дифференцированных.

Главное условие формирования и реализации положительного социально-экономического потенциала неравенства – открытый доступ к качественному образованию. Как образец можно взять современную Германию, где образование, включая высшее, бесплатное и гарантированное государством. Неравенство в Германии достаточно высокое, но оно не представляет актуальной опасности для социально-институционального устройства, поскольку доступность образования и социальных услуг государства пока что нивелирует неравенство начальных условий[2]. В таком случае стохастические и детерминированные процессы распределения и перераспределения экономических активов в конечном счёте обеспечивают оптимальное использование неравномерно распределённых ресурсов (активов) по сравнению с более равномерным, но менее эффективным распределением, которое ориентировано на непосредственное равенство.

Условиями реализации положительного потенциала социально-экономического неравенства является достаточная глубина институционализации экономики и общества, что делает поведение человека оптимально детерминированным, а также производные институциональные

[2] Experts warn of rising inequality in Germany. URL: https://www.thelocal.de/20160318/germany-wage-inequality-rising.

механизмы, которые обеспечивают свободу выбора в рамках действующих институтов: открытая модель государственной службы; институционально обеспеченный малый и средний бизнес, который ориентируется на относительно устойчивые, но ограниченные рыночные ниши; относительно высокий общественный статус инновационной деятельности и науки. Наличие институциональных альтернатив даёт возможность субъектам общественного неравенства выбирать соответствующую сферу приложения их личных активов. Благодаря этому общественная эффективность использования имеющихся активов повышается.

Как показал В. Тарасевич, институты способны присваиваться одними субъектами без отчуждения от других (*Тарасевич*, 2016). Таким образом, при прочих равных условиях в более институционализированной экономике у неравенства относительно более широкий простор для реализации положительных эффектов, чем в менее институционализированных. Институциональная составляющая общественного богатства выполняет важную функцию обеспечения условий использования позитивного потенциала социально-экономического неравенства.

Глубоко институционализированные общества могут иметь значительный уровень неравенства в распределении рыночных активов, но это приводит к положительным эффектам развития и инноваций. Напротив, в обществах с низкой институционализацией, где большую роль играют факторы принуждения и легитимного/нелегитимного насилия, потенциал неравенства реализуется в основном в форме властных иерархий, что обусловливает их более высокую социальную значимость и привлекательность по сравнению с инновационно-инвестиционными статусами субъектов.

Надлежащая глубина институционализации экономики и общества большей частью формируется в процессе относительно продолжительной эволюции социальных форм, которая более похожа на рост дерева, чем на строительство сооружений. Опасность так называемой социальной инженерии состоит в том, что ценностно-институциональная корневая система общества, сформировавшаяся исторически, рассматривается в этом случае как недостаток для эффективных реформ. Но в случае отрезания такой корневой системы достаточная глубина институционализации общества не может быть достигнута по определению. Поэтому не следует удивляться, что в результате так называемых "смелых" реформ каждый раз в украинском обществе растёт негативный социальный потенциал неравенства, что не способствует инновационно-инвестиционному развитию экономики, а только усиливает неопределённость. Возникает своеобразный замкнутый круг, когда неравенство порождает нестабильность, а нестабильность генерирует всё более сильное и неприемлемое многомерное неравенство (*Либанова*, 2016).

Преимущества глубоко институционализированной экономики связаны с многоканальностью реализации положительного потенциала неравенства, состоящего из дифференциации способностей и институциональной компетентности субъектов, которые детерминированы эндогенными и экзогенными факторами[3].

[3] Касаясь вопроса об определённой парадоксальности короткой институциональной истории Соединённых Штатов и достаточной глубины укоренённости институ-

Укоренившиеся в экономическую систему и повседневное поведение институты способствуют доверию, низким трансакционным издержкам, автоматизму большинства рыночных решений. Для характеристики допустимого неравенства можно использовать определённую аналогию с критерием допустимой (желаемой) инфляции: инвесторы и потребители в своих решениях *не учитывают* фактическую и ожидаемую динамику цен. Допустимое неравенство является фоном, а не актуальным фактором принятия решений. Для сферы практического использования оценок равенства и неравенства это означает, что воспроизведение и закрепление существующего статуса домохозяйств даёт возможность максимизации текущей полезности и долгосрочной стабилизации (как минимум, не ухудшению) условий их жизнедеятельности. Если же такое ухудшение происходит или ожидается, доля ресурсов и активов домохозяйств может направляться на усилия по изменению институционального статус-кво. Наиболее деструктивна с этой точки зрения ситуация, когда ожидание ухудшения распространяется на статус следующего поколения членов домохозяйств.

Традиционные факторы неравенства, которые считаются в основном преодолёнными, при определённых условиях могут неожиданно активизироваться. Например, в Соединенных Штатах Америки уже в наше время снова становится актуальным расовый срез неравенства, который не имеет удовлетворительного объяснения в существующей системе измерений. Как отмечают исследователи, увеличение разрыва в заработной плате между чернокожими и белыми работниками становится всё труднее объяснить. Если в 1979 году темнокожий работник в среднем зарабатывал около 80% от почасовой заработной платы белого работника, то в 2016 году – около 70%. Среди женщин с 1979 по 2016 год это соотношение изменялось от 95 до 82%. При этом доля негативной динамики, которая не отождествляется с действием известных факторов (образование, профессия, сфера производства), постоянно растёт. Это означает, что диспропорция в доходах, которые никак не связаны с определённым местом, образованием, отработанными часами, типом работы или возрастом работника, растёт[4].

циональной системы, следует отметить решающую роль ценностей и протоинститутов так называемой протестантской этики (М. Вебер) как изначально прокапиталистической системы ценностей, которая последовательно детерминировала всю институциональную структуру общества в условиях фактического отсутствия конкурирующих ценностных моделей. То есть часть своей институциональной истории США прожили в недрах другого государства – Великобритании. США – это не только 250 лет самостоятельного развития, но и ещё предыдущие 250 лет становления английской капиталистической индустриальной системы. А 500 лет – это вполне достаточно для глубокого укоренения институтов капитализма и рынка в экономику, политическую систему и ментальность американской нации. При таких условиях социальное неравенство в течение истории США имело больше положительных эффектов, хотя и не предохраняло от глубоких общественных кризисов (Гражданская война, Великая депрессия, расовые бунты 60-х годов прошлого века, вплоть до современных системных кризисных явлений).

[4] Kenneth J. Cooper. The costs of inequality: Faster lives, quicker deaths. For blacks and Hispanics, frail neighborhoods undercut education, health, and jobs – all keys to thriving. *Harvard gazette.* March 14, 2016. URL: https://news.harvard.edu/gazette/story/2016/03/the-costs-of-inequality-faster-lives-and-quicker-deaths/.

Санкционированное ценностно-институциональным базисом экономики социальное неравенство как минимум не мешает развитию технологий и институтов. Но именно в этом состоит серьёзная внутренняя противоречивость: любая институциональная система в процессе эволюции постепенно исчерпывает свой адаптивный и интегративный потенциал и нуждается в коренных изменениях в соответствии с существенными изменениями во внешней и внутренней технологической и институциональной среде. В этих условиях неравенство теряет некоторые каналы реализации своего положительного потенциала, что придаёт ему преимущественно деструктивные черты.

Технологически обусловленное неравенство может заставить даже уточнять основания и взаимные обязанности и полномочия участников такого фундаментального института как общественный договор, Social Contract[5]. Это свидетельствует о том, что реальное распределение ресурсов и власти не соответствует его формальным регламентам и процедурам. В таком институционально несбалансированном обществе неравенство всегда находит для себя какую-то лакуну в экономической системе, где оно снова начинает неконтролируемый рост. Это заставляет государство отвлекать экономические и социальные ресурсы на нейтрализацию новых угроз в этой сфере.

Изменения и сдвиги ценностно-институциональных и структурно-технологических основ экономической системы снижают уровень управляемости динамики равенства и неравенства и порождают дополнительные измерения неравенства, которые ещё не имеют надёжных инструментов и критериев оценки. Сегодня таким измерением может служить доступ к виртуальным и сетевым активам, способным генерировать более высокие доходы.

Ценностно-институциональные сдвиги, которые сегодня происходят под влиянием ряда эндогенных и экзогенных факторов, противоречат устойчивой природе институтов и усиливают неопределённость экономических субъектов относительно их статуса. Готовность к компромиссам ослабляется, доверие снижается.

Структурно-технологические изменения порождают новое измерение равенства/неравенства из-за неодинакового доступа экономических субъектов к новым общественным технологическим активам, что влияет на занятость, доход и фактический статус. Такая динамика может восприниматься как социально значимая и несправедливая. Из-за роста технологической безработицы усиливается влияние неопределённости в функционировании хозяйственной системы, что приводит к массовой миграции наиболее квалифицированных работников. Задачей государства в таких условиях является минимизация (оптимизация) общественных потерь и максимизация уровня использования позитивного потенциала институциональных и структурно-технологических сдвигов.

---

[5] См.: Bénabou R. (2004) Inequality, Technology, and the Social Contract. *Princeton University, NBER, CEPR, IRP and BREAD.* Forthcoming in the Handbook of Economic Growth. (Philippe Aghion and Steven Durlauf, eds., North-Holland). URL: https://www.princeton.edu/~rbenabou/papers/handbook4.pdf

Если издержки сохранения (поддержания) статуса[6] являются относительно незначительными в совокупных расходах субъекта, то максимизация полезности находится в пределах существующей системы статусов. Если же при падении доходов расходы на статус ощутимо мешают максимизации полезности, то субъект оказывается перед выбором: либо сохранение статуса, или сохранение уровня потребления; потеря статусных ограничений приводит к негативному упрощению критериев социально приемлемых действий, облегчает нелегитимную сверх-концентрацию богатства у небольшого количества субъектов.

Почти 200 лет назад об этом писал В. Гегель: "В тех случаях, когда жизнь большой массы людей оказывается ниже известного уровня существования, который сам собой устанавливается как необходимый для члена общества, а это ведёт к потере чувства права, правомерности и чести обеспечивать своё существование собственной деятельностью и собственным трудом, возникает *чернь*, что в свою очередь способствует концентрации несметных богатств в немногих руках" (1990). И далее Гегель подчёркивает, что бедность сама по себе никого не делает чернью. Чернь – это особое внутреннее состояние человека, который имеет претензии, а не права, зависть, а не стимулы. Наличие черни (в понимании Гегеля) является условием наличия узкого слоя безответственных и поэтому несвободных нуворишей. Отсутствие ценностно-институциональной санкции на богатство у таких субъектов компенсируется "демонстративным потреблением", о котором писал Т. Веблен. Это в свою очередь усиливает распространение настроений отчуждения, снижает ценность труда, квалификации, образования. Перманентное перераспределение приватизированного (захваченного) государственного имущества парализует инвестиционные процессы. Такое общество теряет часть своего человеческого капитала лишь вследствие ухудшения общественной атмосферы.

С другой стороны, слишком активная (популистская) социальная политика и так называемая позитивная дискриминация, если они нивелируют институционально санкционированную статусную дифференциацию доходов, могут означать скрытое подавление субъектных оснований функционирования институциональной системы и активизации источников неопределённости.

Таким образом, актуальное неравенство для субъектов означает наличие отрицательных разрывов, которые являются существенными для принятия решений. Если в этих структурно-институциональных условиях субъекты способны преодолеть такие разрывы за счёт использования доступных для них ресурсов, активов, способностей, то такое неравенство влияет на оценки функции полезности и предельной эффективности ресурсов. Преодоление такого неравенства, которое находится в пределах "досягаемости" субъектов, способствует повышению общей эффективности. При этом необходимо допустить, что обобщённая функция по-

[6] В трактовке понятия статус мы считаем целесообразным использовать подход Панкратовой А.М., которая трактует институциональный статус как совокупность системы прав, полномочий и обязанностей данного субъекта хозяйствования, который признаётся всеми участниками и даёт санкционированный системой доступ к определённому массиву ресурсов, необходимых для воспроизведения субъекта и выполнения его миссии (*Панкратова*, 2017).

лезности включает в себя в латентном виде критерий подтверждения, закрепления или повышения статуса субъекта[7]. Если же в этих структурно-институциональных условиях разрывы не могут быть преодолены в результате личных усилий субъектов, то в этом случае деятельность направлена на игнорирование или изменение таких условий, что снижает общую полезность решений.

Системы с глубокой и сильной ценностно-институциональной идентичностью более устойчивы по отношению к возмущающим воздействиям, включая и фактор роста неравенства. Это достигается за счёт укоренённых статусов субъектов, которые могут сохраняться в широком диапазоне колебаний их доходов и динамики относительных разрывов относительно других статусов. Такие колебания неравенства влияют на экономическое поведение субъектов в пределах функции максимизации полезности.

Напротив, статусы субъектов, имеющих ситуативное происхождение и связанные со стохастическими процессами в сфере распределения доходов и экономической власти, очень чувствительны к любым негативным (для них) изменениям доходов, и поэтому система с преобладанием таких статусов склонна впадать в хаотическую динамику при преодолении относительно низкого барьера роста общего неравенства. В свою очередь незащищённые должным образом статусы подвержены диффузии и деградации. Переходное (трансформационное) состояние социально-экономической системы имеет признаки бесстатусного состояния вследствие интенсивного стирания информации о предыдущем состоянии системы, поэтому в обществе фактическое неравенство может достигать любых сколь угодно больших значений, но это не значит, что система устойчива.

Для системы с глубокими статусами, то есть укоренившимися благодаря институционально-ценностным основаниям, барьер приемлемого неравенства является высоким, но и он не является *гарантированно* высоким: существует такое значение неравенства, при достижении которого конкретная система может перейти к хаотической динамике перераспределения активов и власти, иначе говоря, к переформатированию системы статусов.

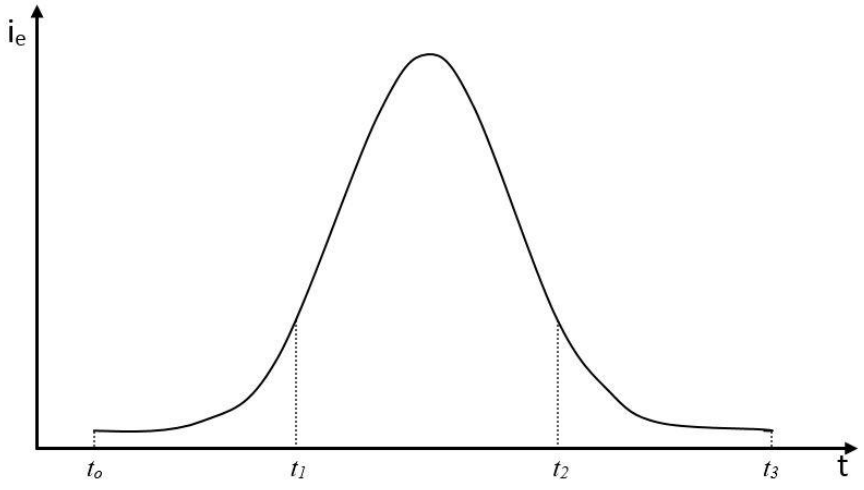
Существенными факторами социально-экономического неравенства является сложность институциональной системы и обусловленные ею требования к институциональной компетентности субъектов. Если система является слишком простой по отношению к сложности общественного разделения труда и существующих социально-экономических и властных зависимостей в обществе, то такая излишняя простота компенсируется внешним принуждением (прямым или латентным) субъектов к выполнению требований общественного разделения труда. Если институциональная система является сложной относительно фактических способностей субъектов к усвоению и выполнению институциональных требований, то баланс достигается путём отсечения аутсайдеров (например, путём локализации "недосоциализированных" субъектов в местах лишения свободы) и возможности для так называемой элиты

[7] О важности статусного потребления субъектов социально-экономической системы писал ещё Т. Веблен в работе "Теория праздного класса". См.: (*Веблен*, 1984).

избегать жёсткого следования требованиям за счёт использования практик двойной морали и двойных стандартов.

Любая система на определённом этапе своей эволюции может вступить в фазу деструктивного усложнения, которое проявляется в неуклонном росте слоя институциональных аутсайдеров – людей, не отождествляющих себя и условия своей жизнедеятельности с выполнением институциональных требований из-за устойчивого разрыва между их личными возможностями усвоения институциональной информации и усложнением норм и правил доступа к общественным ресурсам. Например, в Украине много пенсионеров не используют возможности получения льгот, потому что они не знают, как это сделать, или не хотят связывать себя с рисками взыскания при случайном нарушении сложных условий доступа к государственным льготам. Когда государственные органы уверяют людей в абсолютной простоте и лёгкости доступа к льготам, они не принимают во внимание фактический уровень институциональной компетентности большинства людей, которым реально нужны эти льготы.

Если исходить из конкретно-исторической природы институтов, то важным условием корректного использования институционального подхода является учёт фактора времени в возникновении, развитии и стагнации институциональных систем. Для анализа проблемы институциональных факторов неравенства это означает, что со временем институциональная компетентность участников хозяйственной деятельности возрастает, и поэтому, при прочих равных условиях, неравенство по этому признаку будет снижаться. В качестве гипотезы можно взять так называемое нормальное распределение вероятности (распределение Гаусса) достаточного овладения необходимыми институциональными навыками во времени:



По этой гипотезе, график функции вероятности можно разделить на три временных отрезка: на первом (t_0, t_1) вклад фактора институциональной компетентности в неравенство будет максимальным, так как только относительно незначительная часть субъектов успела овладеть необходимыми институциональными знаниями и навыками и поэтому получает

относительные преимущества; на втором отрезке (t_1, t_2) его вклад в неравенство будет отрицательным, так как большинство населения становится институционально компетентным и преимущества, которые получили лидеры компетентности на первом этапе, нейтрализуются; на третьем отрезке (t_2, t_3) динамика социального расслоения по признаку институциональной компетентности будет незначительной, так как слой институциональных аутсайдеров может быть на протяжении длительного времени относительно стабильным.

Если нормальное распределение является симметричным, то оно соответствует максимальной энтропии, то есть нельзя сказать, что именно будет происходить с конкретным субъектом на всём временном отрезке жизненного цикла системы. Если же график является смещённым, например, вследствие сильных воздействий предыдущего состояния (эффект QWERTY), то симметрия нарушается вследствие сохранения в скрытом виде остаточной иерархии субъектов. Иначе говоря, на актуальное неравенство определённым образом накладываются остатки старых исторических неравенств ("сын генерала должен быть генералом"). Как следствие, энтропия системы снижается по сравнению с "чистыми" системами, а разброс индивидуальных траекторий является относительно меньшим. Состояние системы с унаследованными преимуществами представителей старых иерархий более детерминировано, но иногда такая детерминированность невыгодна для общества, поскольку ограничивает и снижает ценность сегодняшних усилий и сегодняшних общественных институциональных ресурсов.

Фактор институциональной компетености субъектов реализуется как их экономическая свобода. Именно сфера экономической свободы создаёт пространство положительной реализации социально-экономического неравенства. Формирование институциональных условий экономической свободы субъектов является одной из важнейших функций государства, которое стремится иметь результативную социальную политику по оптимизации неравенства в обществе. В противном случае предыдущие (унаследованные) иерархии будут причиной сильного негативного влияния на использование общественных ресурсов из-за чрезмерного и неэффективного неравенства. Нагрузка на социальную политику будет расти, но она не сможет давать ожидаемых результатов (*Ostry, Berg, Tsangarides*, 2014).

Что касается влияния технологических факторов на значение динамики равенства/неравенства экономики и общества, то наибольшее значение будут приобретать последствия внедрения так называемых цифровых технологий в производство товаров и услуг, которые иногда описываются многозначным и недостаточно признанным термином "смарт-промышленность" (см. Вишневский, Князев). В первом приближении риски таких технологических изменений состоят в дефляции и росте безработицы, которая, по словам Дж. Стиглица, является самым страшным провалом рынка и важнейшим источником социально-экономической нестабильности (2015. С. 37).

Как отмечает обзор Всемирного экономического форума "Доклад о развитии человеческого капитала 2017", технологии, направленные на

сокращение использования человеческого труда, в последнее время растут опережающими темпами. Глобальные продажи промышленных роботов в 2014 году достигли 225 000, что на 27% больше, чем в 2013 году. Общий объём трудовых доходов в процентах от ВВП снижается по всем направлениям. С 1975 по 2015 год доля доходов от труда в ВВП сократились с 61 до 57% ВВП в США; с 66 до 54% в Австралии; с 61 до 55% в Канаде; с 77 до 60% в Японии; и с 43 до 34% в Турции[8].

В знаменитой Силиконовой долине в США контрасты между бедностью и богатством уже привлекают внимание не только политических популистов, но и серьёзных исследователей. Как отмечает Д. Ротман из Массачусетского технологического института, в сфере высоких технологий в Калифорнии заняты 20–25% населения, и именно у них сосредоточен почти весь прирост богатства. Именно они определяют платежеспособный спрос и ценовую динамику, в то время как заработные платы большинства населения даже снижаются[9]. В Северной Калифорнии 31% рабочих получают за час 16 долларов или меньше, что считается очень низкой заработной платой. Медианное значение доходов в США сегодня такое же, как в 1995 году. Динамика цифровой экономики способствует монополизации рынков со стороны таких гигантов, как Facebook, Google, Apple и Amazon[10]. Диффузия высоких технологий может означать распространение этих проблем на всё более широкий круг регионов и стран. Мировая экономика за последние десятилетия почувствовала реальность таких рисков развития новейших технологий, как отмечает доклад The Global Human Capital Report 2017.

При этом оказалось, что теоретическое и инструментальное обеспечение регуляторной политики государства не соответствует глубине и содержанию этих процессов в начале XXI века. Например, политика количественного смягчения после кризиса 2008–2009 годов в Соединённых Штатах Америки на протяжении нескольких лет оказалась неспособной нейтрализовать дефляционные тенденции и увеличить занятость. Япония, используя все доступные регулятивные рычаги, уже почти 20 последних лет не может преодолеть дефляционные процессы со всеми опасными финансовыми и социально-экономическими последствиями, вытекающими из этих процессов. Как отмечают специалисты, корпорации в условиях глобальной рыночной и финансовой неопределённости не решаются на повышение заработных плат, что в свою очередь способно держать экономику в "дефляционной яме" на протяжении длительного периода[11]. Прямым следствием этого будет рост бюджетных проблем и ограничение перераспределительного социального потенциала государства.

Однако масштабы и социально-экономические последствия таких уже известных явлений могут быть гораздо серьёзнее, чем это мы видели в последнее время. Дело в том, что любые производства, которые не пе-

---

[8] См.: The World Economic Forum. The Global Human Capital Report 2017. URL: http://reports.weforum.org/global-human-capital-report-2017/

[9] Rotman D. Technology and Inequality. URL: https://www.technologyreview.com/s/531726/technology-and-inequality/.

[10] Christoffer O. Hernæs. Is technology contributing to increased inequality? *Crunch Network.* URL: https://techcrunch.com/2017/03/29/is-technology-contributing-to-increased-inequality/.

[11] См.: Wage growth is needed to defeat Japan's 'deflation monster', says investment expert. URL: https://www.cnbc.com/2017/08/14/japanese-deflation-is-a-problem-wage-growth-is-the-solution.html.

рестраиваются на "цифровых" основах, будут неконкурентоспособны по сравнению со смарт-производствами. Победа смарт-промышленности может быть тотальной, и, соответственно, придаст такой же характер всем рискам, включая и те, что сегодня являются скрытыми. Наступление на социальное государство будет вестись по всем фронтам: потребности в социальной поддержке будут расти вследствие массовой безработицы; возможности кредитной поддержки населения сжиматься под влиянием общего падения его кредитоспособности; налоги вследствие общей дефляции будут резко падать, бюджетные дефициты будут расти. Как показывает опыт, общества, попадающие в длительное кризисное состояние, начинают использовать практики выживания за счёт слабых. Это означает, что неравенство может быстро достичь разрушительных масштабов относительно социума как такового.

Такая экзотическая институционально-финансовая новация, как безусловный базовый доход, может принести дополнительные риски и проблемы уже в силу только своего принципиального несоответствия принципам рыночной системы как таковой. Само наличие безусловного базового дохода означает для человека, что он не нужен обществу как носитель определённых способностей, умений, знаний, социальных качеств. Разрушение привычного деятельного образа жизни будет порождать массовое социально-экономическое отчуждение. Ссылки на то, что при смене конъюнктуры человек может быть снова нужен обществу и экономике и получит возможность восстановить стереотипы деятельного (трудового) образа жизни, недостаточно сильный аргумент для того, чтобы такую систему считать приемлемым и надёжным выходом.

Как отмечает немецкий исследователь А. Хасел[12], безусловный базовый доход парализует стимулы социальной мобильности и поэтому способствует росту неравенства. Кроме того, он снимает долю ответственности с государства и элит и даёт возможность корпорациям оправдывать сокращение рабочих мест. Иначе говоря, общества могут натолкнуться на аналог автокаталитической реакции, когда результат взаимодействия практики безусловного базового дохода с рынком труда – рост безработицы – будет ускорять дальнейшее распространение этой же практики.

Открытым остаётся вопрос об источниках финансирования, поскольку масштабы этой практики могут оказаться намного большими, чем это выглядит сегодня. Рост налогов на активных субъектов хозяйственной системы выглядит неизбежным, что будет способствовать массовому выходу их в тень. Средний работающий класс может стать первой жертвой государственного принудительного перераспределения национального богатства в пользу неработающих, что станет последним гвоздём в крышку его гроба. Негативные стимулы активного поиска работы отмирают, а для положительных стимулов в социальной системе с фиксированным или растущим неравенством и неэффективными социальными лифтами остаётся всё меньше места.

Особые риски могут возникнуть в странах с массовым притоком мигрантов. Отсутствие трудовых практик, навыков поиска работы, опыта профессионального общения будут способствовать дальнейшей маргинализации людей, хотя они будут чувствовать себя достаточно комфортно.

---

[12] См.: Hassel A. Unconditional Basic Income Is A Dead End. \\ Süddeutsche Zeitung. 7 February 2017.

Внешне такие люди будут иметь признаки приемлемого благополучия. Так называемая "экономика счастья" получит наглядное доказательство своей возможности и желательности. Но безусловный, то есть не обусловленный деятельностью человека, базовый доход будет означать возникновение нового измерения неравенства по признаку доступа к деятельному образу жизни. Фактически, это попытка вывести лишних людей за пределы развития и обогащения производственных сил человечества. Утеря социальных навыков поиска своего места в жизни приведёт к угасанию многих социальных качеств человека. Институционализация социального феномена "черни", как его понимал Г. Гегель, может породить новую линию социальной эволюции, ведущей к возникновению расы "элоев", описанной Г. Уэллсом в романе "Машина времени", и это может произойти гораздо раньше, чем это представлялось писателю. Альтернативой этому является только внутреннее органическое усложнение форм и структур человеческого взаимодействия, которое не может сводиться к цифровым технологиям.

Выводы

1. Экономическое неравенство является общей формой структурирования сложных социальных систем. Для сегодняшней экономической науки и практики целесообразно различать случайные и детерминированные сдвиги неравенства под влиянием институциональных и структурно-технологических изменений. Непосредственным проявлением неравенства является иерархическая система полномочий и обязанностей субъектов хозяйствования. Такая система способна снимать неопределённость внешних и внутренних условий функционирования социума на достаточно широких интервалах колебаний доступных ресурсов и природных и социальных шоков.

2. Существует приемлемый ("легитимный") уровень неравенства, не требующий специальных усилий для своего преодоления со стороны общества и субъектов. Его предпосылкой является адекватность ценностно-институциональным основам хозяйственной системы, что предоставляет возможность субъектам в процессе реализации своих интересов включаться в траекторию институционально-технологического развития экономики в целом. Превышение предела приемлемого уровня неравенства придаёт последнему характер социально-экономических разрывов и даже трещин. Система становится более энтропийной, её развитие замедляется и становится неустойчивым.

3. Современные ценностно-институциональные и технологические сдвиги под влиянием ряда эндогенных и экзогенных факторов углубляют разрывы в социально-экономических системах и порождают новые измерения неравенства, которые не всегда могут быть зафиксированы и идентифицированы. Сегодня неравенство превращается из фона происходящих изменений в один из главных источников неопределённости дальнейшего развития глобальной экономики. Это накладывает дополнительную нагрузку на институциональные механизмы контроля и оптимизации неравенства, которые сложились в обществе, в частности, на систему доступного и качественного образования и социальных услуг государства. Учитывая активизацию институционально-технологических и рыночных факторов роста неравенства в мире, украинское государство

должно избегать любых действий, способных усиливать социально-экономические разрывы.

Литература

Веблен Т. (1984). Теория праздного класса. Москва: Прогресс. 368 с.
Гегель Г.В.Ф. (1990). Философия права: пер. с нем. Москва: Мысль. 524 с.
Либанова Э. (2016). Украина: глубина неравенства. *Зеркало недели*. 1 октября.
Панкратова Е.Н. (2017). Институциональная обусловленность инновационного развития субъектов хозяйствования. *Экономическая теория и право* / Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого. № 1 (28). С. 42–53.
Пикетти Т. (2015). Капитал в XXI веке. Москва: Ад Маргинем Пресс. 592 с.
Стиглиц Дж. (2016). Великое разделение. Неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99% населения. Москва: Эксмо. 480 с.
Стиглиц Дж. (2015). Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему: [пер. с англ.]. Москва: Эксмо. 512 с.
Тарасевич В. (2016). Влада-власність у племінному союзі. *Економічна теорія*. № 2. С. 18–32.
Alesina, A., G. Cozzi, and N. Mantovan (2012). The Evolution of Ideology, Fairness and Redistribution. *Economic Journal*, 122: 1244–1261.
Bénabou R. (2004) Inequality, Technology, and the Social Contract. Princeton University, NBER, CEPR, IRP and BREAD. Forthcoming in the Handbook of Economic Growth. (Philippe Aghion and Steven Durlauf, eds., North-Holland). URL: https://www.princeton.edu/~rbenabou/papers/handbook4.pdf
Christoffer O. Hernæs. Is technology contributing to increased inequality? Crunch Network. URL: https://techcrunch.com/2017/03/29/is-technology-contributing-to-increased-inequality/
Experts warn of rising inequality in Germany. URL: https://www.thelocal.de/20160318/germany-wage-inequality-rising.
Hassel A. Unconditional Basic Income Is A Dead End. \\ Süddeutsche Zeitung. 7 February 2017.
Kenneth J. Cooper. The costs of inequality: Faster lives, quicker deaths. For blacks and Hispanics, frail neighborhoods undercut education, health, and jobs – all keys to thriving. Harvard gazette. March 14, 2016. URL: https://news.harvard.edu/gazette/story/2016/03/the-costs-of-inequality-faster-lives-and-quicker-deaths/.
Ostry, J. D., A. Berg, and C. Tsangarides (2014). Redistribution, Inequality, and Growth. IMF Staff Discussion Note 14/02. P. 4.
Rotman D. Technology and Inequality. URL: https://www.technologyreview.com/s/531726/technology-and-inequality/.
The World Economic Forum. The Global Human Capital Report 2017. URL: http://reports.weforum.org/global-human-capital-report-2017/.
Wage growth is needed to defeat Japan's 'deflation monster', says investment expert. URL: https://www.cnbc.com/2017/08/14/japanese-deflation-is-a-problem-wage-growth-is-the-solution.html.

References

Veblen T. (1984). Teorija prazdnogo klassa [The Theory of the Leisure Class]. Moskva: Progress. 368 p. (In Russian)
Gegel' G.V.F. (1990). Filosofija prava [Philosophy of Law]: per. s nem. Moskva: Mysl'. 524 p. (In Russian)
Libanova Je. (2016). Ukraina: glubina neravenstva [Ukraine: the depth of inequality]. *Zerkalo nedeli*. 1 oktjabrja. (In Russian)
Pankratova E.N. (2017). Institucional'naja obuslovlennost' innovacionnogo razvitija sub#ektov hozjajstvovanija [Institutional conditioning of innovative development of economic entities.]. *Jekonomicheskaja teorija i pravo* / Nacional'nyj juridicheskij universitet imeni Jaroslava Mudrogo. № 1 (28). P. 42–53. (In Russian)
Piketti T. (2015). Kapital v XXI veke [Capital in the 21st Century]. Moskva: Ad Marginem Press. 592 p. (In Russian)
Stiglic Dzh. (2016). Velikoe razdelenie. Neravenstvo v obshhestve, ili chto delat' ostavshimsja 99% naselenija [Great division. Inequality in society, or what to do the remaining 99% of the population]. Moskva: Jeksmo. 480 p. (In Russian)

Ctiglic Dzh. (2015). Cena neravenstva. Chem rassloenie obshhestva grozit nashemu budushhemu [The price of inequality. Than the stratification of society threatens our future]: [per. s angl.]. Moskva: Jeksmo. 512 p. P. 37. (In Russian)
Tarasevych V. (2016). Vlada-vlasnist u pleminnomu soiuzi [Power-ownership in a tribal alliance]. *Ekonomichna teoriia*. № 2. P. 18–32. (In Ukrainian)
Alesina, A., G. Cozzi, and N. Mantovan (2012). The Evolution of Ideology, Fairness and Redistribution. *Economic Journal*, 122: 1244–1261.
Bénabou R. (2004) Inequality, Technology, and the Social Contract. Princeton University, NBER, CEPR, IRP and BREAD. Forthcoming in the Handbook of Economic Growth. (Philippe Aghion and Steven Durlauf, eds., North-Holland). URL: https://www.princeton.edu/~rbenabou/papers/handbook4.pdf
Christoffer O. Hernæs. Is technology contributing to increased inequality? Crunch Network. URL: https://techcrunch.com/2017/03/29/is-technology-contributing-to-increased-inequality/
Experts warn of rising inequality in Germany. URL: https://www.thelocal.de/20160318/germany-wage-inequality-rising.
Hassel A. Unconditional Basic Income Is A Dead End. \\ Süddeutsche Zeitung. 7 February 2017.
Kenneth J. Cooper. The costs of inequality: Faster lives, quicker deaths. For blacks and Hispanics, frail neighborhoods undercut education, health, and jobs – all keys to thriving. Harvard gazette. March 14, 2016. URL: https://news.harvard.edu/gazette/story/2016/03/the-costs-of-inequality-faster-lives-and-quicker-deaths/
Ostry, J. D., A. Berg, and C. Tsangarides (2014). Redistribution, Inequality, and Growth. IMF Staff Discussion Note 14/02. P. 4.
Rotman D. Technology and Inequality.
: https://www.technologyreview.com/s/531726/technology-and-inequality/
The World Economic Forum. The Global Human Capital Report 2017. URL: http://reports.weforum.org/global-human-capital-report-2017/
Wage growth is needed to defeat Japan's 'deflation monster', says investment expert. URL: https://www.cnbc.com/2017/08/14/japanese-deflation-is-a-problem-wage-growth-is-the-solution.html

Поступление в редакцию10.10.2017

VALUE-INSTITUTIONAL AND STRUCTURAL-TECHNOLOGICAL BASIS OF THE DYNAMICS OF EQUALITY AND INEQUALITY

Oleg Iaremenko

***Author's affiliation*:** Doctor of Economics, Prof, Leading Researcher, Department of Economic Theory, Institute for Economics and Forecasting of NAS of Ukraine.
Email:yaremenkooleg2@gmail.com.

The article considers the modern value-institutional and technological developments as such that deepen the gaps in socio-economic systems and generate new dimensions of inequality that cannot always be detected and identified. The author proves that inequality turns from the external background of the ongoing changes into one of the main sources of uncertainty in the further development of global economy. The conclusion is substantiated that an increasing burden falls on the society's institutional mechanisms of inequality control and mitigation, in particular, on the system of affordable and high-quality public education and social services.

Key words: economic inequality, institutions, values, status, identity, social lifts, technological development, efficiency.

JEL: J38, J45, J50.